

Воспитание — пока вне закона?

Валерий СОЗОНОВ, заведующий кафедрой проблем воспитания Удмуртского Республиканского института усовершенствования учителей, кандидат педагогических наук

Министерство образования РФ всеми силами пытается сегодня восстановить в школе бывший когда-то весьма высоким статус воспитательной работы. Разрабатываются программы, издаются циркуляры, проводятся конкурсы, раздаются различные призывы и заверения первых лиц министерства. Но все эти действия напоминают мне ритуальные танцы умирающего, причём надежды при этом возлагаются даже не на помощь всемогущих богов, а на красоту и разнообразие телодвижений.

Все понимают, что за 900 рублей (месячная зарплата молодого учителя с высшим образованием при прожиточном минимуме около 3 тысяч) никто никого не будет образовывать и тем более воспитывать. За эти деньги дворник не будет убирать двор, шофёр — заводить машину, банщик — заваривать веник. Учитель же должен 90–100 учеников (18 недельных часов — это три класса-комплекта) «выводить в люди». А ведь учительский труд — это работа не только руками, головой, сердцем, это работа — всей жизнью, всем способом мышления и существования, потому что только сама личность учителя, притягательность его жизненного примера могут куда-то повести и привести его воспитанников. «Нет работы более изнурительной для сердца, чем работа педагога», — говорил В.А. Сухомлинский. В нашей стране самая изнурительная работа стоит всего дешево.

Полтора года назад Александр Киселёв, заместитель министра образования РФ, признался перед нами, борцами за бесплатный статус федеральной экспериментальной площадки в п. «Московский», что зарплата учителя не может быть меньше 4–5 тысяч рублей. Но сегодня, после прибавки, она составляет лишь пятую часть необходимой.

Но я радею сейчас не за всё образование, а только за его часть — воспитание. Воспитательная работа, как известно, оплачивается в размере даже не половины, а только 30 процентов учительской ставки. Хотя все понимают, что воспитание — более сложный, тонкий, длительный и важный для человека процесс, чем обучение. Известно, что миллионерами у нас стали отнюдь не самые нравственные, не отличники (вспомним анекдоты про «новых русских»).

На селе, где в классах меньше 15 учеников, за классное руководство платят только 20 процентов, хотя всем понятно, что готовиться к уроку, классному часу, к воспитательной беседе или к походу надо одинаково: будь в классе 5 детей или 25. Старый лозунг «экономика должна быть экономной» почему-то распространяется не на нефтяников, не на железнодорожников, не на РАО ЕЭС, не на банковских работников, а именно на учителей. Почему, спрашивается? Не поэтому ли в школе давно нет мужчин? В Японии директора школы увольняют, если в педагогическом коллективе мужчин менее половины, ибо в этом случае начинается деформация интеллектуального, а особенно нравственного развития как мальчиков, так и девочек. Не потому ли так опасно постарели учительские коллективы, в том числе и директорский корпус? С директорами очевидно: молодой учитель, согласившийся возложить на себя многотрудное бремя директорских забот, начинает получать зарплату меньше, чем он получал, будучи учителем. Абсурд, который ничем нельзя объяснить, поэтому его никто не объясняет и не устраняет. Постановление правительства о выплате работающим учителям-пенсионерам пенсии в полном размере, конечно, некое восстановление справедливости. Но при этом следует признать, что это решение только консервирует проблему старения учительского корпуса страны. Все знают, что ситуация эта для образования весьма опасна, ибо в очень недалёком будущем наших детей и внуков попросту некому станет учить. Кто об этом сегодня думает — министр В. Филиппов? Председатель правительства М. Касьянов? Президент В. Путин? А вот ещё одна опасность: уже достаточно давно в школе воспитательную работу осуществляют дилетанты, самоучки, а если откровенно, то попросту

неучи. Что я имею в виду? А вот что: в дипломе молодого выпускника даже педагогического вуза его специальность значится как «учитель математики», «учитель русского языка и литературы», «учитель физики». Ни в одном дипломе нет квалификации «воспитатель», или «классный руководитель». А на современном юридическом языке это означает, что молодой педагог не имеет лицензии на собственно воспитательную деятельность. Следовательно, директор школы не имеет права его к этой работе допускать. Да он, молодой, и не хочет: зачем ему головная боль за бесплатно? Но директор не может оставить класс без наставника, поэтому всячески принуждает молодого специалиста взять это бесплатное и ни к чему не обязывающее классное руководство. Часто путём конфликта. Кто-то из молодых уходит из школы сразу, кто-то остаётся и работает. Но какой же наставник, какой духовник из подобной «жертвы насилия»? Поэтому с полным основанием можно сказать, что воспитание в нашей школе при всех пламенных призывах министерства — пока вне закона. Гельвеций утверждал: «Человек, взявший на себя труд учить других, не имея на это достаточных знаний, совершает безнравственное деяние».

В Удмуртии основной поставщик педагогических кадров в школы — Удмуртский государственный университет. Сразу скажу: это хороший вуз. Он пользуется заслуженным авторитетом и в Удмуртии, и в России. Но у него свои образовательные пристрастия: к минимуму сведены программы по педагогике, психологии, методике воспитательной работы. Нет практики. Но самое плохое, опасное, самое тревожное: никто из выпускников и не хочет работать в школе, и к этому не готовится. Попав в школу, дипломированный выпускник считает себя неудачником и ждёт-не дожждётся случая, чтобы из неё «слинять». В школе он чужой человек: не ходит на педсоветы, не посещает методобъединений, не занимается самообразованием. Как бывший директор школы, могу сказать, что в определённом смысле — это очень вредные для школы люди, ибо своим отчуждением, безответственностью, негативизмом, сами того не желая, сеют в душах воспитанников тот же «пофигизм», те же безответственность и халтуру.

И, наконец, последнее. В стране идёт реформа образования: вводится «двенадцатилетка». Забавно и очень по-нашему: не справились с десятилетним «всеобучем» (сегодня, как известно, обязательной является только «девятилетка»), не освоили как следует азбуку, а «замахнулись на Шекспира». Цель, как всегда, благая: реформировать содержание, разгрузить ученика, догнать «заграницу». Не буду говорить о дополнительных средствах, которые нужны, чтобы разработать новое содержание образования, соответствующее 12-летней школе. Их нет, не предвидится в ближайшем обозримом будущем, поэтому мы и пошли по самому простому пути: приняли Национальную доктрину (красивое, громкое, обнадёживающее название!) и «вложили» в 12-летку прежнее содержание. Вот фрагмент из интервью бывшего начальника Департамента общего среднего образования Министерства образования РФ М.Р. Леонтьевой:

«— Значит, по существу, содержание образования останется таким же, только растянется на 12 лет?

— Совершенно верно. И самый тяжёлый период — 5–9-е классы — станет периодом 5–10-е. Это даёт возможность разгрузить ребят...» (НО, 1999, №7.)

Вот и вся «реформа». Очковтирательство это. Будем потом говорить о 10-летнем образовании — усечённом, подтасованном под «реформу». Подобное реформирование несёт в себе и воспитательную опасность: школьную «камеру хранения» мы удлиняем ещё на два-три года. Каково будет нашему инфантильному выпускнику сразу после школьной скамьи попасть в армию, да ещё в «горячую точку»? Что делать с учениками, которые уже в девятом классе полностью «отпали» от школы, а районное начальство обязывает директора принять их в десятый класс, потому что девать их больше некуда?

И потому не без оснований, ох, не без оснований, учительская общественность подозревает, что опять — в который раз! — правительство руками учителей хочет решить, не решая, свои, государственные, проблемы: трудовой занятости молодёжи, набора в армию, досуга и т.д. Мы-то, наивные, думали, что предпринятая реформа действительно произведёт основа-

тельную ревизию существующего содержания отечественного образования, изобилующего ненужной информацией и предельно отчуждённого от жизненных проблем ученика. А самое главное — снимет просто нетерпимое далее препятствие, мешающее учителю быть гуманным к ребёнку, — этот долгий, очень долгий конфликт между целями образовательной системы и целями системы воспитательной. Воспитание давно и безрезультатно ставит своей целью развить субъективность, самость, гармоничную «я-концепцию», физическое и психическое здоровье ребёнка. А образовательная система на каждом «квадратном сантиметре» школьной жизни — на уроке, выпускном экзамене, при поступлении в вуз — требует пресловутую, десятки раз заклеенную «сумму знаний, умений и навыков», которая и заставляет учителя продавать душу дьяволу и становится бессердечным, вбивая эти самые «знания» в головы всех детей подряд тяжким педагогическим молотом. Сегодня медленно, но неуклонно вводится ЕГЭ — «единый государственный экзамен». Цель его — восстановить социальную справедливость. Дать возможность и сельским умницам и умникам поступать в вузы. Но никто из педагогов не верит в успех этого дела: всеильная и всепроникающая коррупция преодолет хрупкую преграду ЕГЭ, даже не заметив её. А вот школа пострадает непременно, ибо по её невероятным усилиям гуманизировать школьные отношения будет нанесён последний и, боюсь, смертельный удар. Судите сами: если учитель будет знать, что его работу (знания учеников) станет оценивать бездушная машина, которой нет никакого дела до личности школьника, его качеств, условий его жизни, то он постарается так закрутить школьные «гайки», что деткам мало не покажется. Ведь подвиг нынешнего педагогического гуманизма, который в школе известен как «три пишем — два в уме», новая компьютерная, электронная «железная училка» по определению совершить не сможет. Так что нашу многострадальную школу ждут отнюдь не лучшие времена.

Пишу эту статью и думаю: ну что же можно сделать? А ведь можно. Что, если недельную учительскую ставку сделать из двух равных частей — шестнадцати часов учебных и шестнадцати часов — воспитательных? 32 часа — это уже неплохая зарплата для учителя и силы на воспитательную работу у него останутся. А самое главное, воспитательная деятельность классного руководителя будет реабилитирована в его глазах, в сознании детей и общественности. Тогда в школу, может быть, вернуться педагоги-мужчины, а вместе с ними — подлинное воспитание, что в переводе с древнерусского означает «возвышенное питание», каким ему и надлежит быть в нашей доброй, отечественной школе.

г. Ижевск